

Пока горит свеча...

Кажется, сегодня уже ничем не удивишь искусственного российского читателя. И все же небольшая книга стихов «Господин Дороги» Камала Абдуллы, одного из самых ярких и глубоких писателей и драматургов современного Азербайджана, вышедшая в переводах Аллы Ахундовой в Москве в 2005 году, не затерялась в обилии публикаций, привлекла внимание критики и вызвала отклики в прессе. Не только потому, что стала значимым фактом в более чем двухвековом диалоге наших культур (хотя и это важно), но и явлением духовного порядка, лежащим в русле не иссякающего со временем интереса в России к философии и искусству мусульманского Востока. Традицию эту закладывал еще А.С.Пушкин своим «Подражанием Корану».

Поэзия Камала Абдуллы, говорилось в предисловии к книге, напоминает читателю: суть истины – в различении преходящего и вечного, суть Пути – в постоянном осознании Божественного Неба над головой, абсолютной Реальности, не подвластной смерти и тлению. Поэзия эта вся устремлена на постижение тождества таких полярных понятий, как

жизнь и посмертное существование, сон и явь, встреча и невстреча, пространство и время, память и беспамятство. Без преодоления этих противоположностей в сознании невозможно даже приблизиться к пониманию смысла твоего пребывания на Земле.

Камал Абдулла не философствует в стихах, не дает развернутых лирических описаний своих настроений, он сопрягает далекое, чтобы от этого столкновения вспыхнул огонь и развернулось волшебное действие, призрачный карнавал поэтических образов, устрашающий и чарующий, ристалище судеб, игрище существ и сущностей, созданных из того же эфирного материала, что и наши сны. А на космических подмостках сна и мифа нет четких границ между живым и мертвым, мыслимым и реальным, грезами и действительностью.

Но самое поразительное то, как ему удастся передать в своей лирике движение времени, его парадоксальную непредсказуемость. Оно здесь то замедляет ход, то ускоряет его, то обращается вспять, что невольно приводит на память опрокинутый кувшин Мухаммада, из которого не успело пролиться ни капли, пока Пророк совершил полет на небеса и вернулся обратно. Или – притчу из Суры «Пещера» о путниках и их собаке, проспавших в горной пещере несколько столетий, оказавшихся для них одной-единственной ночью.

Автор увековечивает миг, закрепляет вне времени живущее во времени, задерживает «колесо времени». И вот здесь он – «господин дороги», одаряющий вечностью в своих стихах все, что вызывает в нем творческий резонанс: морские немые глубины, золото палой листвы, одинокий прохожий, глаза женщины... Так его лирический герой – «безутешный странник» - переживает и свое собственное бессмертие, открываясь навстречу стихиям, каким он уже не господин:

Пора в дорогу собираться.
Пора, не надо сомневаться.
Пора отсюда отправляться,
Пора, не спрашивай, куда?
Возьми два камня, пригодится.
Один- постлать, другим -укрыться,
Плоть - на виду, а дух - таится,
Где? Не узнаешь никогда!
Оглянешься - окаменеешь.
О чем оставленном жалеешь?
А может быть, ты в память веришь,
Боясь исчезнуть без следа?..
Дожди пройдут и вновь прольются,
Опять вопросы задаются
И без ответов остаются
До часа Страшного Суда.

Вскоре вслед за книгой стихов московское издательство «Хроникер» опубликовало роман К. Абдуллы «Неполная рукопись» в переводе известного азербайджанского театрального режиссера Вагифа Ибрагимоглу с предисловием Льва Аннинского, и почти одновременно эта книга увидела свет во Франции, Турции, Польши и Бразилии. В романе, свободной композицией и интонациями напоминающим своеобразную поэму в прозе, автор открыл новые грани своего таланта, хотя и здесь главное его достоинство – умение органично и непредсказуемо сочетать современное и вечное, разноголосицу сегодняшнего мира и перекрестков далекой истории - остается неизменным. В таком сочетании и заключается секрет писательской индивидуальности Камала Абдуллы. Что движет им в создании увлекательных многослойных вымыслов – желание вдохнуть жизнь в давно истлевшее, эстетическая задача, творческая игра с воображаемым собеседником, неважно, нынешним или обретенным в глубине времен? Здесь каждый из читателей даст свой ответ, но лишь одно не вызывает сомнений по мере чтения «Неполной рукописи»: К. Абдулла как художник остро чувствует то, что некогда емко выразил русский поэт – «все жребии земные изменчивы...». А если так, то главным в его повествовании становится извечное томление челове-

ского духа, пытающегося ^{www.zlat.spb.ru} разгадать тайну бытия, сокрытую патиной людских страстей, властных интриг и исторических катаклизмов.

Мастерски используя авантюрно-беллетристический потенциал древних тюркских эпических сказаний и легенд о Деде Горгуде, пронизав богатейший культурный материал детективным началом, Камал Абдулла создал в «Неполной рукописи» собственную яркую картину полной потрясающих событий, юмора, неисчерпаемой глубины и трагизма жизни людей далекого прошлого. Однако не только люди живут у него реальной жизнью, а и сотворенные ими символы, остающиеся неизменными в течение веков. И все это раскрывается через фигуру героя, человека, по замыслу писателя, представляющего текст загадочно выплывшего на свет старинного манускрипта, транслируется в наш сегодняшний день. Этот герой, сам не лишенный загадки, так до конца и не раскрытой в повествовании, своеобразный посредник, Вергилий, своими комментариями и замечаниями сопровождающий читателя на протяжении всей книги. Именно его глазами мы, даже не замечая того, следим за перипетиями увлекательного сюжета, с его помощью связываем ниточки оборванных на полуслове (многозначный прием, естественно обосновывающийся воздействием времени на рукописные пергаменты) историй разнообразных персонажей. И эта недосказанность

www.zlat.spb.ru
вкупе с кажущейся бесстрастной литературной позицией самого создателя романа и его таинственным alter ego, настаивающем на сенсационном знании авторства неполной рукописи, будит фантазию, открывает поле для бесчисленных интерпретаций. Однако, также прерванная на полуслове, концовка книги уводит нас уже совсем в иные пределы, отсылая к мысли Платона о том, что всякое знание есть ничто иное, как воспоминание.

В одном из писем ко мне как редактору этой книги В. Ибрагимову привел замечательные строки В. Хлебникова 1908 года:

Огнем-сечивом высек я мир
И зыбку-улыбку к устам я поднес,
И куревом-маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

И мы сошлись с переводчиком в том, что блуждающее «маревое» прозы К. Абдуллы, вот эта «дымность о бывшем» - и есть самое главное, хорошо бы именно этот дух донести в русском варианте «Неполной рукописи». Впоследствии на обсуждении романа в журнале «Иностранная литература», в котором участвовали, в частности, такие известные писатели и критики, как Александр Ткаченко, Инна Ростовцева, Борис Евсеев, Лев Аннинский, главный ре-

www.zlat.spb.ru
дактор «ИЛ» А. Ливергант, неожиданные метаморфозы, которые происходят в книге К. Абдуллы со временем и людьми, его населяющими, и привлекли наибольшее внимание выступающих. А на любые ученые споры о том, имеет ли автор право на собственную интерпретацию классического эпоса, подлинна ли рукопись деда Горгуда или поддельна, блестяще ответил Лев Аннинский в своем предисловии к книге: *« Мир смутен, огромен, непостижим, неменяем. Все тонет в месиве утверждений, опровержений, достоверностей, мнимостей, фактов и антифактов, истинных и ложных сведений. Сверить варианты рукописи невозможно, приходится верить «пожелтевшим листам бумаги», понимая, что написанное там давно потеряло с реальностью внешнюю связь, а связь внутренняя все равно до конца непостижима. Того общества, которое породило эти сказания, давно нет... Мгновенная аллюзия: а есть ли теперь то, что мы привычно называем обществом? Или это такой же мираж, как ставшая легендой древность? Да и что такое «древность» на тонущей в небытии шкале времени? Вы можете знать, кто древнее: Гомер или какой-нибудь безвестный певец Огузов? Полифем или Тепегез? Одиссей или Бейрек? Агамемнон или Салур Газзан? Какая, собственно, разница, подлинна рукопись деда Горгуда или поддельна? Все равно мираж. Может, пропуски в тексте случайны,*

а может, это намеренная путаница, чтобы спрятать концы... Так что пропуски в рукописи и «дыры» в сюжете могут не только обеспечить необходимые в повествовании «петли» и «стоп-кадры», они могут иметь и мистический смысл, который необязательно соотносить с исторической истиной. Ибо ее нет. Ни тогда, ни теперь. Есть лишь танец канатоходцев на натянутых струнах Божьего инструмента. «Если Творец знал, чего Он хочет, и независимо от внешних форм этого знания переслал в мой мозг, то мое дело...» Кто это говорит? Деде Горгуд? Или современный романист, воскрешающий деда при помощи монтажа фрагментов его рукописи? Или любой из героев потусторонней уже старины, пропущенной сначала через святую наивность деда, а потом через скептическое отчаяние современного человека, довольствующегося «полнотой неполного»?..»

В мире прозы К. Абдуллы это очень важный вопрос: кто говорит. Или молчит, но - *смотрит* на происходящее, слушает, поглощает захваченные впечатления, претворяет их в слово, и это *присутствие* мы ощущаем в повествовании. Так происходит в новеллах К. Абдуллы, созданных на известнейшие античные сюжеты, суд Париса, Харон, опубликованных в «Литературной газете». В них каноны мифа не нарушаются произволом авторской интерпретации или смысловой деконструкцией (что можно было бы ожи-

дать в климате постмодернизма, так или иначе оказывающем влияние на современную литературу), лишь изменен ракурс, освещение, в каком подается традиционное сказание, и как будто приподнимается завеса времен, и мы проникаем в закулисы легендарных событий. Соответственно мир, открытый подобному восприятию, обретает краски и глубину, расширяет свои границы, множит голоса. Возникает ощущение живого многопланового пространства, многомерного, циклического внутреннего времени, вмещающего от истоков всю историю человечества, мертвых и живых, в одно мгновение человеческого существования.

В романе «Долина кудесников», предлагаемом теперь вниманию русского читателя, автор – по-прежнему странник и еще дальше уходит к горизонтам познания феномена времени и человеческой судьбы, почти зависая на пороге бытия и небытия, и даже вторгаясь в пределы мертвых.

К этому совершенному по внутреннему строю роману можно по праву отнести знаменитое определение Борхеса – «сад расходящихся троп». Он написан и как философская притча о тщете земных страстей, о долге и любви, пытающейся преодолеть неотвратимость расплаты за несовершенство человеческого естества и людских законов, но одновременно это и увлекательная, насыщенная колоритом Востока волшебная сказка, возвышенная и просветленная, не-

смотря на трагический финал. В романе немало потрясающих эпизодов и коллизий, которые, подобно поэзии Омара Хайяма, могут восприниматься непосредственно чувством, однако за каждым из них, да и за всем повествованием в целом, плывущим, будто шаг каравана, мерцают, манят и приоткрываются вдумчивому уму богачейшие пласты суфийской символики. Здесь шах и его палач, страдающий караванщик, таящий свою любовь скопец, изгнанник-мудрец и его ученики, кудесники в своей чудесной Долине, способные управлять ходом времени и манипулировать пространством, Невидимая гора, снегопад, превративший человеческий мир в чистый белый лист, как будто предназначив его для новых письмен, да, пожалуй, любой из персонажей, образов этой книги – совсем не то, что кажется, это иллюзия, но чья? Кто же ведет нас за караванщиком с его верным слугой в поисках убийцы его отца? Кто рассказывает историю палача и его страстной любви? Наконец, кто присутствует вместе с героями на мистическом сеансе общения с Духом мертвого палача, сцене страшной, вызывающей трепет, но главное – ответами Духа намекающей на *знание* мертвых, непостижимое для живых? Этим «кто» слишком просто было бы назвать самого автора или кудесника-медиума, умеющего хранить тайны своего ремесла, а другие герои не смогли бы этого сделать просто потому, что покинули этот мир

еще до конца истории, ^{www.zlat.spb.ru} не догадываясь о замысле своего в ней участия (вроде неистойой бабки, заронившей зерно мести в душу ребенка), что и происходит с большинством людей... Но пока яростно стучит в ворота шахская стража, пока дымится, угасая, тонкое пламя свечи, пока Дух еще не покинул покои обреченного Караванбаши, не поздно задать последние вопросы. Только ответов уже не получишь, на материальном уровне связь прервалась, хотя, наверное, это не важно, главное, что перед вечным молчанием ты успел их задать...

Думается, писатель Камал Абдулла совершил в этой книге почти невысказанное: он довел до предела реальности фантазии своего творческого воображения, облекая их плотью слов, и достиг того состояния, когда сам становишься иллюзией, уже изжившей себя, сном в чужих снах, возможно, привидевшихся кому-то в незапамятные времена, и об этих снах написал роман.

Людмила Лаврова